

Lee L. Recognizing the Non-Religious: Reimagining the Secular. Oxford: Oxford University Press, 2015. 235 p.

Книга «Познавая нерелигиозное. Создавая новый образ секулярного», написанная Лоис Ли (Lois Lee), представляет собой последовательный анализ таких феноменов, как «нерелигиозность» и «секулярность». Основная идея книги и защищаемый автором главный тезис заключаются в том, что нерелигиозное не является простым отсутствием религиозного, а наполнено собственным содержанием и смыслами, не ограничивающимися противопоставлением религии, а также в том, что «нерелигиозность» не сводится к «секулярности», а представляет самостоятельный феномен, требующий повышенного внимания социологов и антропологов религии.

Автор книги — ассоциированный сотрудник Центра религии и политической теории в Школе публичной политики Университетского колледжа Лондона (Religion and Political Theory Centre at the School of Public Policy, University College London), директор-основатель «Сети исследователей нерелигиозности и секулярности» (Nonreligion and Secularity Research Network), редактор журнала «Секуляризм и нерелигиозность» (Secularism and Nonreligion). В настоящее время является соруководителем исследования «Научное исследование нерелигиозных верований», проводимого при поддержке Фонда Джона Темплтона. Несмотря на значительную критику, теория секуляризации продолжает в значительной степени задавать тон в исследованиях по социологии религии. Большое количество ученых, которые ее развивали, локализованы в Великобритании, достаточно назвать такие имена, как Дэвид Мартин, Стив Брюс, Грейс Дейви и многие другие. Здесь же проводит исследования Лоис Ли.

Книга состоит из введения, семи глав, заключения и приложений.

Во введении автор оспаривает утверждение, что теория секуляризации потерпела крах. Один из главных аргументов состоит в том, что масштабы нерелигиозного населения чрезвычайно велики, а непринадлежность к тому или иному вероисповеданию фактически стала «четвертой мировой религией» (с. 2). В соответствии с этим Ли ставит задачу выделить значимые составляющие секулярного и разработать «новый словарь, новую теорию и новую методологию» (с. 3) для исследования этих составляющих.

Первая глава посвящена рассмотрению понятий и терминов, их систематизации. Описание словаря автор начинает с понятия религии, релевантного для проведения исследования в британском социальном контексте, которое она заимствует из работ К. Нотта (K. Knott): «Религия означает религиозные институты, их традиции, верования (которые в этом контексте, безусловно, включают в себя теизм) и практики, а также людей, которые придерживаются их» (с. 27). Далее автор выделяет первый тип понятий, которые выражают отношение к религии, связаны с ней и выстраиваются в оппозиции к религии: «антирелигиозность» (anti-religion), «арелигиозность» (areligion) и «безразличие» (indifference). «Антирелигиозность» — это оппозиционное отношение к религии, ее отрицание, отвержение (с. 28). «Арелигиозность» указывает на «бытие без религии»

(being without religion) в том смысле, что человек не соприкасается с религиозным (с. 29). Отметим, что в то время как «антирелигиозность» подразумевает антагонистическое взаимодействие с религией, «арелигиозность» указывает на полное отсутствие взаимодействия. «Безразличие» — это некое промежуточное состояние между «арелигиозностью» и «антирелигиозностью». Автор пишет, что «непредсказуемая» или «бесмысленная» религиозная практика — лучший показатель для религиозного равнодушия, чем просто показатели отсутствия религиозности. Например, «безразличный» к религии человек вполне может пойти в церковь вместе с кем-то из знакомых, не придавая этому особенного значения. Однако этот показатель не исключает религиозности, потому как, во-первых, подразумевает знание того, к чему человек равнодушен, а во-вторых, вполне возможно быть равнодушным к какому-то конкретному аспекту религиозности, например посещению церкви, но не быть равнодушным к другому, например вере в Бога. И именно эти нюансы, как отмечает автор, наиболее интересны для исследования.

Понятие «пострелигиозность» (post-religion) описывает то, что формируется исторически под воздействием религии и при этом не одновременно с ней (с. 30). Это понятие, как нам кажется, близко к понятию «диффузная религиозность» Р. Чиприани, когда люди не обязательно сами высокорелигиозны, но живут в социальном контексте, где все пропитано религиозной традицией, и сам этот социальный фон во многом определяет их ценности и поведение. Это могут быть также формы религиозности, которые обусловлены историей и культурой того общества, где живет человек, и проявляются в использовании религиозных церемоний из чувства «традиции» или в связи с поддержанием национальной идентичности (с. 31). В этом аспекте «пострелигиозность», как нам кажется, близка к понятию «этнодоксии» В. Карпова, Е. Лисовской и Д. Барри.

«Иррелигиозность» (irreligion) — это сознательное отвержение, противостояние религии. После прочтения остается неясным, чем «иррелигиозность» отличается от «антирелигиозности», по-видимому это просто другой термин для обозначения того же самого явления.

Понятие «нерелигиозность» (non-religion) является более широким, чем «иррелигиозность». В контексте западноевропейских представлений о религии «нерелигиозность» включает атеизм и агностицизм (с. 34). Оно может пониматься как отсутствие контакта с религией вообще («арелигиозность» в терминологии автора), так и сознательное отвержение религии («иррелигиозность»). Ли обращает внимание читателя на то, что значение, в котором понятие «нерелигиозность» употребляется в ее исследовании, — это не просто отсутствие религии в жизни человека, но «присутствие чего-то (другого)» (с. 32), отличающегося от религии, но при этом связанного с ней тем или иным образом. Это то, что соотносится с религией, но происходит без ее участия, а значит, это понятие связано с характеристиками и качествами, которые являются позитивными, т. е. реальными и существующими. Нужно признать, что в этот момент у читателя возникает вопрос: а что же тогда будет искать автор, если то, что предполагается найти, уже изначально заложено в используемое понятие? Если цель книги — показать, что нерелигиозность имеет свое особое содержание, а не является просто отсут-

ствием религии, то введение именно такого понятия нерелигиозности приводит к тавтологическим высказываниям. В защиту автора можно сказать, что к такому определению понятия она приходит в результате исследования, а не вводя его априорно, однако для будущих исследователей, которые хотели бы использовать этот подход, здесь кроется некоторая опасность.

Следующий тип понятий соотносится с теизмом. Самое распространенное и имеющее несколько значений — понятие «атеизм», который может означать как просто отсутствие веры в Бога, так и антагонистический режим этого отсутствия. Здесь Ли предлагает сознательно ограничить себя и соблюдать последовательность в использовании приставок: как «арелигиозность» означает отсутствие включенности в религию, так и «атеизм» должен указывать на отсутствие веры в Бога, в то время как «нон-теизм» (non-theism) означает нечто противоположное теизму, в то время как «антиатеизм» (anti-theism) является антагонистическим режимом «нон-теизма» (с. 37), т. е. то, что для академического сообщества более привычно обозначать как «атеизм». Такую трактовку понятий Ли оправдывает тем, что подобное значение приставок («а-» и «анти-») более правильно. Несмотря на то что грамматически это действительно имеет смысл, мы скорее выразим сомнение в том, что такая терминология будет воспринята научным сообществом, поскольку уже существует огромная традиция изучения атеизма как нередко враждебного по отношению к религии мировоззрения.

Третий тип понятий, рассматриваемых в главе, относится к секулярному. Секулярное Ли определяет как «феномен... для которого религия не более чем вторичный интерес, точка отсчета или авторитет» (с. 39). Противоположное понятие для «секулярного» — это не просто религия, но первичность религиозной культуры. Понятие «постсекулярный» (post-secular) предполагает критическую позицию по отношению к концепту или реальности секулярного (с. 47).

2-я глава посвящена рассмотрению секулярного как субстанционального (имеющего за собой определенную сущность, реальность) и несубстанционального феномена. Автор считает, что мнение о несубстанциональности секулярного господствует в науке и определяет современные исследования. Такой подход лежит в основе как классической теории секуляризации, так и теории рационального выбора в социологии религии. Ли считает, что все эти подходы исследуют религию «под секулярным фасадом» и не направлены на выявление и изучение секулярного самого по себе. В теологии, естественно, автор обнаруживает такой же недостаток.

Представление секулярного как субстанционального представляет собой принципиально иной подход. Первый пример — когда секулярное взаимодействует с религиозным и вступает с ним в те или иные отношения, в том числе антагонистические. Например, в политике часто в центре внимания оказываются межконфессиональные отношения, по аналогии могут иметь место и содержательные отношения между религиозным и секулярным, которые, по мнению автора, заслуживают более пристального внимания. Проблему Ли видит в том, что слишком много внимания исследователей было направлено именно на враждебные, в явном виде отвергающие религию проявления секулярного, в то

время как существует большое количество более мягких или диффузных социальных форм нерелигиозности, которые практически не изучены.

3-я глава названа под влиянием теории «банального национализма» М. Биллига. Суть этой теории состоит в том, что в США национальную идентичность формируют не яркие запоминающиеся акции или общественные движения, а банальные ежедневные напоминания гражданам о том, что они граждане, например просто висящий американский флаг, который есть везде (с. 70). К проявлению «банальной» фоновой нерелигиозности в доме автор относит поздравительные открытки с высмеивающими христианство надписями и картинками, беллетристику подобного рода на книжных полках, косметическую продукцию с названиями, профанирующими наполненные христианским смыслом понятия, и т. п. (с. 73–74). Тут сразу хочется отметить, что так называемая банальная фоновая нерелигиозность скорее отражает огромную фоновую религиозность, по крайней мере в момент запуска подобной продукции. Оценить сарказм на религиозную тему или обратить внимание на слоган на продукте способен только человек, для которого написанное имеет вполне определенный узанный им смысл.

Публичная нерелигиозность проявляется в продаже аналогичных продуктов в магазинах, которые открыто стоят на витринах и бросаются в глаза всем, а не только атеистам. Также важны материальные проявления нерелигиозности. Так, автор приводит пример двух граффити: антихристианского «Иисуса не существует» и антиисламского. Первое провисело несколько лет и в момент выхода книги продолжало висеть, уже почти истлело, второе было сразу же стерто последователями ислама, из чего делается вывод, что в Англии антихристианские высказывания считаются приемлемыми, а антиисламские — нет. Как пример разбирается известный случай с атеистической рекламной кампанией на автобусах — надписью «Вероятно, Бога нет. А теперь перестань беспокоиться и наслаждайся жизнью». Идея главы в том, что, во-первых, то, что еще два десятилетия назад могло вызвать протест, сейчас воспринимается как банальность, которая не стоит внимания; во-вторых, эти банальные символы, присутствуя в пространстве обитания человека, воспроизводят нерелигиозный фон, поддерживая аналогичные настроения.

4-я глава повествует о телесном проявлении нерелигиозности. В одежде, с точки зрения автора, нерелигиозность может быть выражена, например, с помощью символов, логотипов и лозунгов нерелигиозных культур и ассоциаций, например надписи «атеист» на подошве обуви.

В 5-й главе рассматривается вопрос о тех формах, которые принимает нерелигиозность с точки зрения социальных отношений. Первая форма — это враждебные отношения «с реальными или воображаемыми религиозными другими» (с. 106). Некоторой противоположностью являются отношения, по мнению автора более «конструктивные», когда нерелигиозные люди оказывают друг другу поддержку, однако возникает такая форма, как пишет Ли, в основном в социальном контексте, где нерелигиозность маргинализована, т.е. она также возникает как отрицание религиозности, а не как самостоятельный феномен.

По результатам проведенных автором интервью, отношения дружбы включают подразумеваемое, часто не выраженное словами (*tacit*) знание о религиозности или нерелигиозности другого. Иногда это знание основано на наблюдаемом участии друзей или их семей в религиозных ритуалах. Также респонденты говорили о том, что для них крайне важно совпадение собственного отношения к религии и отношения к ней партнера или супруга и что различия во взглядах на религию стали бы источником напряженности в семье (с. 110). Известно, что люди склонны выбирать супруга в рамках своей религии, а в ситуации, когда супруги относятся к разным религиям или конфессиям, высока вероятность, что один из них, в соответствии с «законом Грили» (*Greeley's Law*), сменит религиозную принадлежность на религиозную принадлежность более религиозного супруга. Интересно, что это также важно и для нерелигиозных людей.

5-я глава книги называется «Друзья и “антиукрописты”», и несколько раз в книге Ли приводит цитату из выступления английского комика Маркуса Бригстока, который указывает на абсурдность установления социальных отношений на основании атеизма, поскольку атеизм — это отсутствие веры в Бога: «...атеизм — это *отсутствие* чего-то. Это то же самое, что сказать: “Я не один из *них*”. Я имею в виду, что я не люблю укроп, но я не тусуюсь с другими “антиукропистами” по выходным. Так что вас не должно определять то, во что вы *не* верите» (с. 113). Вся книга Ли посвящена тому, чтобы показать, как это неверно. Она считает, что эти социальные отношения вполне содержательны, несмотря на то что многие люди сами не осознают, что они в них включены. Так, описывая людей, которые пришли на вышеупомянутое антирелигиозное представление, она говорит о том, что это было именно собранием людей на основании общего, разделяемого всеми интереса к теме, и сама идея о том, что атеизм асоциален, была настолько сильной, что позволила создать эти социальные отношения, собрать вместе людей, которые ее разделяли. Она указывает на контраст действительной включенности в социальные отношения, основанные на нерелигиозности, и осознания этой включенности. Так, она описывает, как один из информантов заявляет об отсутствии интереса к религии, а затем готов довольно долго и подробно обсуждать, что конкретно его не интересует.

Ли указывает на то, чего лишены нерелигиозные люди: социальной поддержки в кризисной ситуации (включенность в религиозное сообщество могла бы дать утешение), возможности общаться с людьми, разделяющими их мнение («недостаточная солидарность»), незнание того, как правильно осуществлять ритуалы в ключевые моменты жизни (рождение, смерть), недостаток оснований для моральных, этических суждений. В частности, в отношении последнего информанта в исследовании часто не имели трудностей, чтобы сказать, что плохо, а что хорошо, но часто затруднялись дать обоснование, почему это так.

В 6-й главе обсуждается, что действительно стоит за нерелигиозной самоидентификацией. Так, слово «атеизм» может иметь несколько оттенков смысла: просто отсутствие веры в Бога, агрессивно окрашенная нерелигиозность, а также, как пишет Ли, он может ассоциироваться с «элитным положением и социально-экономическими привилегиями» (с. 137) — с более высоким статусом и уровнем образования. Слово «атеизм» чаще всего означает сильную сте-

пень нерелигиозности, в то время как «нерелигиозность» используется для более общих высказываний. В главе обсуждается вопрос, что могут означать ответы «не отношу себя ни к какому вероисповеданию» в социологических опросах, а также из чего исходят люди, когда отвечают на вопрос о религии в переписи населения в Великобритании (вопрос был включен в переписи 2001 и 2011 гг. и был обязательным для ответа).

7-я глава рассматривает вопрос о том, что одной из важных функций религии является производство ответов на экзистенциальные, предельные вопросы — о происхождении человека, о том, что будет после смерти, о страдании, о смысле жизни. Ли описывает несколько «экзистенциальных культур», которые представляют разные варианты ответов на эти вопросы либо альтернативные тем, что дает религия (гуманизм и агностицизм), либо имеющие корни в религии или альтернативной духовности (теизм и субъективизм), а также еще один тип — «антиэкзистенциальную культуру» — нежелание задумываться над этими вопросами и в противовес этому акцентирование важности «повседневных нужд, обязанностей и удовольствий» (с. 169).

В целом книгу можно охарактеризовать как интересную и заслуживающую внимания. Цель книги — найти в нерелигиозности не только отсутствие религиозности, но и какие-то собственные содержательные элементы — кажется достаточно нетривиальной. Автор мастерски лавирует в современной научной литературе на данную тему, встраивая свой подход в более широкий научный дискурс, ясно обозначая свою позицию и аргументированно показывая, какие позиции она считает ошибочными. Единственное, что кажется спорным, — это соединение всех понятий, касающихся негативного или безразличного отношения к религии, в термин «нерелигиозность». Хотя это позволяет упростить дальнейшую работу, мы сомневаемся, что это обобщение имеет какое-то онтологическое значение. Также кажется спорной трактовка автором понятия «атеизм», которое имеет значительную традицию в исследовании религии.

Несмотря на заявления автора, что ей удастся найти субстанциональные проявления нерелигиозности, по прочтении книги мы не были в этом полностью убеждены. Нерелигиозность, напротив, показана как в значительной степени зависимый и связанный с религиозностью феномен, который утверждается за счет отрицания, иронической или саркастической интерпретации, иногда оскорбления религиозно значимых символов. Попытка продемонстрировать проявления показательно нерелигиозного стиля поведения, одежды и т. п. может служить скорее доказательством сильной фоновой религиозности, а не нерелигиозности. Нам кажется, что нерелигиозность как самодостаточный культурный феномен может быть показана только через демонстрацию сущностных элементов религиозного безразличия, а не антагонистического противостояния. Однако именно это автору не вполне удастся сделать. Там, где почти получается подойти к таким элементам, характеризующим неявно выраженную, «диффузную» нерелигиозность, они остаются выраженными не в их существовании, а скорее в том, что люди ощущают в них потребность, что людей тяготит их недостаток. Там, где выражение нерелигиозности более явное (идеи гуманизма, толерантности, свободомыслия), существуют свидетельства, что они

Рецензии

коренятся именно в христианском прошлом культур, в которых они возникли. Таким образом, мы находим в книге красивую идею и спорный способ ее подтверждения. Тем не менее данная книга будет интересна социологам религии и религиоведам как отличный пример мысли современного ученого, который занимается поиском независимых субстанциональных оснований для нерелигиозного мировоззрения.

Елена Викторовна Пруцкова
член рабочей группы научного проекта
«Социология религии» ПСТГУ
127051, Лихов пер., д. 6, стр. 1
evprutskova@gmail.com

Кирилл Васильевич Маркин,
науч. сотр. научной лаборатории
«Социология религии» ПСТГУ
markink20@gmail.com

E. Prutskova,
St Tikhon's Orthodox University
Lihov per., 6-1 Moscow 127051 Russia
evprutskova@gmail.com

K. Markin,
St Tikhon's Orthodox University
Lihov per., 6-1 Moscow 127051 Russia
markink20@gmail.com